

MARIAN BRODA

0000-0002-7333-0145

Uniwersytet Łódzki

Wydział Studiów Międzynarodowych i Politologicznych

Instytut Studiów Międzynarodowych

Katedra Teorii i Historii Stosunków Międzynarodowych

90-131 Łódź

ul. Narutowicza 59a

marian.broda@uni.lodz.pl

АНТИПОДЫ «РОЗОВОГО ХРИСТИАНСТВА». ПОЛЕМИКА КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА С ФЕДОРОМ ДОСТОЕВСКИМ И ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

ANTIPODES OF “PINK CHRISTIANITY”: KONSTANTIN LEONTIEV’S DISPUTE WITH FYODOR DOSTOYEVSKY AND LEV TOLSTOY

Константин Леонтьев представил свои религиозные взгляды в программной оппозиции к т. н. розовому христианству, обнаруживающемуся в творчестве и высказываниях Федора Достоевского и Льва Толстого. В связи с тем, что оба оппонента Леонтьева занимают в русской литературной и интеллектуально-культурной традиции центральное место, его полемика с ними может рассматриваться как полемика автора с широко понимаемой коллективной традицией – не только русской, ибо Леонтьев видел в их мысли симптоматичные проявления гораздо более общей религиозно-культурно-общественной тенденции своего времени. Разоблачая односторонность критикуемого изложения христианства, он намеревался восстановить полноту христианской Правды. Несмотря на большой эвристический потенциал мыслительной перспективы Леонтьева, приходится отметить, что в определенном смысле он сам стал одной из жертв «розового христианства», с которым боролся, – в той степени, в которой одной интерпретационной односторонности была противопоставлена другая.

Ключевые слова: Леонтьев, Достоевский, Толстой, полемика, «розовое христианство», традиция, антиподы.

Konstantin Leontiev presented his religious views in a programmatic opposition to the so-called pink Christianity, found in the works and statements of Fyodor Dostoyevsky and Lev

Tolstoy. Due to the central position of both his adversaries in the Russian literary, intellectual and cultural tradition, Leontiev's dispute with them can be regarded as a polemic of a writer with a broadly understood communal tradition – not only with the Russian one, because in Dostoyevsky's and Tolstoy's thought Leontiev recognised symptomatic manifestations of much more general religious, cultural and social tendencies of his time. By unmasking the one-sidedness of the interpretation of Christianity that he criticised, he intended to restore the fullness of the Christian Truth. The huge heuristic potential of Leontiev's perspective notwithstanding, it may be noticed that, in a sense, he himself became one of the victims of the "pink Christianity" which he combated – to the extent that he countered one interpretative one-sidedness with just another.

Keywords: Konstantin Leontiev, polemics, "pink Christianity", tradition, antipodes.

Религиозные взгляды Константина Леонтьева особенно сжато и ярко были сформулированы в осознанном и принципиальном противопоставлении т. н. розовому христианству, обнаруживаемому им, в частности, в произведениях или высказываниях Льва Толстого и Федора Достоевского, но рассматриваемому как гораздо более широкое религиозно-культурно-социальное явление, знаменательное для обществ XIX века. Для анализа указанного аспекта мысли Леонтьева особенно важны две его статьи: *О всемирной любви* и *Страх Божий и любовь к человечеству*.

Первая из названных статей – *О всемирной любви*, опубликованная в «Варшавском дневнике» в 1880 г., была критическим анализом знаменитой речи Федора Достоевского на торжествах, связанных с открытием в Москве памятника в честь Александра Пушкина. Значительная ее часть, по оценке Леонтьева, не выдвигала каких-либо новаторских или оригинальных идей: «О „всеобщем мире” и „гармонии” [...] заботились и заботятся, к несчастью, многие и у нас, и на Западе...»¹. Не ограничиваясь разговорами о любви, страдании и прощении, они предсказывали «царство добра и правды на земле, будто бы обещанное самим Христом»². В речи Достоевского оригинальным было лишь искажающее образ великого поэта «приложение этого полухристианского, полуутилитарного, всепримирительного стремления к многообразному – чувственному, воинственному, демонически-пышному гению Пушкина»³. Следствием веры

¹ К. Леонтьев, *Восток, Россия и Славянство. Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891)*, Москва: Республика 1996, с. 312. Леонтьев перечислял здесь, в частности, В. Гюго, Дж. Гарibaldi, Э. Кабе, П. Прудона, Ш. Фурье, Ж. Санд, а также социалистов и квакеров.

² Там же.

³ Там же, с. 312–313. С отрицательным мнением Леонтьева об обоснованности указанной операции соглашался Юрий Иваск: «Всечеловек Пушкин в изображении Достоевского на живого Пушкина не похож, это скорее один из новых героев *Идиота* или [*Братьев – М. Б.] Карамзовых*». Ю. Иваск, *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество*,

в возможность всеобщего согласования национальных и универсальных, народных и интеллигентских элементов было, по убеждению Леонтьева, кредо Достоевского, в соответствии с которым стать настоящим русским означало стать братом всем людям, всечеловеком:

[...] стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!⁴

Вторая статья, опубликованная в 1882 г. на страницах «Гражданина», была анализом религиозного смысла рассказа Л. Н. Толстого *Чем люди живы?* Автор *Войны и мира* придал ему форму народного сказания о судьбе ангела, который, будучи посланным по душу матери двух новорожденных дочерей, уступив ее слезам и мольбам, вернулся ни с чем. Наказанный Богом, он должен был, превратившись в человека, жить на земле до тех пор, пока не найдет ответ на три вопроса: что есть в людях, чего им знать не дано и чем они живы? Полученные им ответы были таковы: в людях есть любовь; им не дано знать, что им нужно для своего тела; каждый человек живет не заботой о себе, а любовью. Леонтьев указывал, что звучание рассказа соответствовало определенным чувствам и убеждениям, гораздо более общим, особенно входящим в то время в силу в общественном масштабе:

За последнее время стали распространяться у нас проповедники того особого рода, одностороннего, христианства, которое можно позволить себе назвать христианством «сентиментальным» или «розовым» [...] эта своего рода как бы «ересь», не формулированная, не совокупившаяся в организованную еретическую общину, весьма, однако, распространена у нас теперь в образованном классе⁵.

Подчеркивая достоинства художественной формы рассказа, Леонтьев в то же время указывал на слабости христианской мысли Толстого, лежащие в идейной основе произведения. Покаранному Ангелу, утверждал

[в:] К. Н. Леонтьев: *pro et contra. Антология*, кн. 2, Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института 1995, с. 563.

⁴ Ф. Достоевский, *Собрание сочинений*, Москва: Гослитиздат 1956, т. 10, с. 458. См. также: А. Korolkow, *Proroctwa Konstantina Leontjewa*, Toruń: Wydawnictwo UMK 1994, с. 88–89.

⁵ К. Леонтьев, *Восток, Россия и Славянство...*, с. 330.

он, не было в нем приписано ни одно плохое чувство – он согрешил только слишком гордым милосердием: забыв на мгновение о страхе Божьем,

задумал быть милостивее самого Бога [...]. Итак, Ангел, наказанный за слишком смелое проявление своевольной любви, другими словами, за то, что любовь один раз только взяла у него верх над верой в Промысел, над страхом и покорностью, наконец прощен и восхищен на небо, унося с собою убеждение, что нужна только одна любовь и больше ничего⁶.

Странная логика у Толстого, констатировал Леонтьев: так сильно страдать из-за одного непослушания «и, ни слова не вспоминая о страхе и смирении перед непонятым, утверждать только, что „Бог любви есть”»⁷.

Странная, но не случайная, о чем, подчеркивал Леонтьев, явно свидетельствовал абсолютно односторонний, по его мнению, выбор восьми фрагментов из Священного Писания, которые у Толстого предшествуют повествованию: все говорили только о любви и все были взяты из первого апостольского послания св. Иоанна. А почему бы не привлечь восемь других фрагментов, говорящих о каре, страхе, покорности власти, родителям, мужу..? – задавал риторический вопрос критик. «Нельзя христианину предпочитать Иоанна Петру или Иакова Павлу, потому что они больше угодили нашему поэтическому капризу или нашей сентиментальности»⁸.

В случае богооткровенной религии, в отличие от вольных философских спекуляций на тему абсолюта, нет места произвольности:

если Бог у графа Толстого есть христианский Бог, то есть Святая Троица, которой Второе Лицо сошло с небес и воплотилось, то *все* без исключения переданное нам евангелистами и (которым дано право «разрешать и связывать») одинаково и равно обязательно⁹.

В противоположность критикуемой «розовой» версии христианства, Леонтьев предложил, как он утверждал, свободное от односторонности и открытое к религиозной полноте отличное его понимание: «*Истинное христианство тем и божественно, что в нем все есть: и высшая этика, и залоги глубочайшей государственной дисциплины, и всякая поэзия...*»¹⁰.

⁶ Там же, с. 334.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 338.

⁹ Там же, с. 334.

¹⁰ Там же, с. 337. Юрий Иваск, указывая на отсутствие в указанном, впрочем, вырванном из более общего контекста, нападении о страхе Божьем, задает вопрос: «не потому ли, что сам он не был так уж одержим этим страхом, которым преимущественно страдал

Религиозные взгляды Леонтьева, представленные в обеих этих статьях, близки друг другу, а по многим пунктам также повторяются и взаимодополняются. После некоторой их систематизации мы получаем следующую картину религиозной мысли автора: не полный и всеобщий триумф любви и правды на земле проповедовал Христос и его апостолы, но всеобщее уничтожение брэнного облика мира. Последние времена, отмечал, ссылаясь на Евангелие, Константин Николаевич, будут отнюдь не царством мира и гармонии, но периодом тяжелых переживаний, преследований, катаклизмов, невзгод, войн и ненависти:

восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней [...] и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется¹¹.

Пророчество о всеобщем примирении людей во Христе, утверждал Леонтьев, не является православным пророчеством: ведь Церковь не обещает этого мира. Если же кто-то «Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»¹², т. е., пояснял он, как чужой тебе, вредный своим примером для других человек; до тех пор, пока не исправится и не обратится. «Начало премудрости [т. е. настоящая вера – М. Б.] есть страх, а любовь – только плод»¹³. Нельзя, подчеркивал он, считать плод корнем, а корень плодом. Поскольку – особый род благодати прекрасной природы – постоянная склонность любить всякого ближнего недоступна никому или доступна очень немногим, постольку страх греха и кары доступен всем:

кто допускает Бога, тот должен Его бояться, ибо силы слишком несоизмеримы. [...] Страх Божий, страх греха, страх наказания и т. п. уже потому не может унижить нас даже и в житейских наших отношениях, что он ведет к вере, а крепко утвержденная вера делает нас смелее и мужественнее против всякой телесной и личной опасности: против врагов личных и политических, против болезней, против зверей и всякого насилия [...]¹⁴.

Любовь к людям, которая не сопровождается страхом Божиим и смирением перед учением Церкви, не является чисто христианской, подчеркивал

других...». См.: Ю. Иваск, *Константин Леонтьев...*, с. 556. Неискренность, однако, является редкой, а еще более – в свете сделанного Леонтьевым жизненного выбора – мало обоснованной претензией, которую можно было бы ему предъявить.

¹¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Москва: Московская Патриархия 1988, с. 1044.

¹² Там же, с. 1035.

¹³ К. Леонтьев, *Восток, Россия и Славянство...*, с. 315.

¹⁴ Там же, с. 332.

Константин Леонтьев, независимо от искренности порыва или практических последствий. Такая любовь, «в высшей степени своевольная, либо тихо и скрыто гордая, либо шумно тщеславная, исходит не прямо из учения Церкви; она пришла к нам не так давно с Запада...»¹⁵. Любовь без страха и смирения является, делал он вывод, только одним из проявлений нарастающей гипертрофии гуманистического индивидуализма и связанного с ним обожевления прав и достоинства человека. Подорвав в людях веру в существование чего-то высшего, независимого от них, они велели им забыть о страхе и стыдиться смирения, а в результате этого привели к краю революционной пропасти все те западные общества, в которых пышно расцветшая антропология победила любовь к Богу, веру в святость Церкви и священные законы государства и семьи. Существование этих по сути лишь видимых обществ, однако, поддерживается не новыми формами и ценностями, а тем, что осталось от богатого наследия столетий¹⁶.

Освобожденная от любых правил, своевольная и утилитарная любовь к человечеству является односторонностью и обманом, продолжает Леонтьев. Ее абсолютизирование может привести к забвению всех остальных сторон христианского учения, вызвать недовольство ими и даже ненависть к ним, склонить к отказу от страха и смирения и в итоге привести к кровавому нигилизму и всеобщему уничтожению. Такая любовь, одну из матаморфоз которой он усматривал как раз в т. н. розовом христианстве,

хотя нередко и берет свое начало от привычек христианской мысли (еще носящейся в воздухе), но приводит на простом пути своем к самым антихристианским результатам, и потому тот, кто пишет о любви будто бы христианской, не принимая других основ вероучения, есть не христианский писатель, а противник христианства, самый обманчивый и самый опасный, ибо он сохранил от христианства только то, что может принадлежать и так называемому демократическому лжепрогрессу, в действительном духе которого нет и тени христианства, а все сплошь враждебно ему¹⁷

– диагностировал критик, одновременно подчеркивая, что

Христос, повторяю, – ставил милосердие или доброту личным идеалом; он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые уступить нельзя¹⁸.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Как резюмирует позицию Константина Леонтьева один из его духовных комментаторов, о. Кирилл Зайцев, общим содержанием всего учения рассматриваемого мыслителя был призыв к «страху» как орудию отрезвления общества: к страху перед Богом, установленной им властью и порядком, неповиновением Церкви. См.: К. Зайцев, *Любовь и страх*, [в:] К. Н. Леонтьев: *pro et contra...*, т. 2, с. 228.

¹⁷ К. Леонтьев, *Восток, Россия и Славянство...*, с. 333.

¹⁸ Там же, с. 317.

Это, во-первых, а во-вторых: «Без страданий не будет ни веры, ни на веру в Бога основанной любви к людям [...] Нам принадлежат только желание, искание веры, усилие, молитва против маловерия и слабости, отречение и покаяние»¹⁹.

«Розовое христианство», в особенности же взгляды Достоевского, Леонтьев воспринимал как альтернативу другой, более распространенной в их время позиции по отношению к злу. Ее генезис автор *Византизма и славянства* связывал с разочарованием в низкой эффективности практиковавшейся христианскими проповедниками пропаганды личного блага индивидуумов, с иллюзорной надеждой на то, что в результате их нравственного совершенствования вся общественная жизнь станет более сносной, справедливой и приятной. Именно поэтому, утверждалось, следует вначале изменить условия социальной жизни, и человеческие сердца, хотя бы невольно, привыкнут к добру, поскольку не будет причин и условий для совершения зла. «Вот та преобладающая мысль нашего века, которая везде слышится в воздухе. Верят в человечество, в человека не верят больше»²⁰.

По убеждению Леонтьева, Достоевский оставался одним из немногих мыслителей, которые не утратили веру в самого человека, больше доверяя человеческому сердцу, чем социальному переустройству. В позиции, которую пропагандировал автор *Братьев Карамазовых*, Леонтьев находил некоторые положительные элементы, в особенности духовную независимость в отношении позиции большинства и культивирование ценностей, препятствующих распространению духовного и политического нигилизма²¹. Но дело в том, что христианство не верит безоговорочно ни в то, ни в другое: «ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле»²².

Для взвешенной интерпретации и оценки религиозных взглядов К. Леонтьева, содержащихся в рассматриваемых статьях, так же, как и в случае многих высказываний, содержащихся в его текстах, следует осознать их полемический контекст. Постоянной исходной точкой и предметом принципиальной критики оставалось для него «розовое христианство». Более того, одну из причин этой критики он усматривал, как мы помним, в односторонности способа прочтения им христианской правды, переданной в *Священном Писании Ветхого и Нового Завета*. Если, как он подчеркивал, все смыслы, явленные Богом, «одинаково священны и одинаково

¹⁹ Там же, с. 316.

²⁰ Там же, с. 317.

²¹ См.: П. Струве, *Константин Леонтьев*, [в:] К. Н. Леонтьев: *pro et contra*..., т. 2, с. 185.

²² К. Леонтьев, *Восток, Россия и Славянство*..., с. 317.

обязательны», подвергая критике, как он считал, избирательную, «розовую» интерпретацию, естественным образом он сосредоточил свои замечания на заполнении замеченного «недостатка», акцентировании того, что было обойдено, забыто или проигнорировано²³.

Разоблачая односторонность встречающихся ему современных интерпретаций, Константин Леонтьев хотел восстановить полноту христианской истины. На практике, в той мере, в которой это средство стало для него де-факто автономной целью, основное намерение было реализовано способом, обремененным явной деформацией: преодолеваемой односторонности, он асимметрично противопоставил другую односторонность²⁴. В рассматриваемом смысле Леонтьев невольно, но не без вины, стал в определенной степени одной из жертв – своеобразным негативом – преодолеваемого им «розового христианства». Оно отомстило ему еще и по-другому: интеллектуально-культурная картина позиции и мысли Леонтьева в России была подчеркнута прежде всего людьми, у которых нетрудно найти черты широко понимаемой «розовой» перспективы.

Если пытаться объяснить рассматриваемый спор в рамках более широкой теоретической точки зрения, приходится отметить, что позицию Константина Леонтьева от позиции его оппонентов отличает принципиально иной способ понимания отношений между историей и эсхатологией. На мой взгляд, специфика места мыслительной концепции Леонтьева в русской интеллектуально-культурной традиции в первую очередь определяется четким различием и подчеркиванием взаимной автономии двух разных порядков действительности: истории и эсхатологии. Первый из них касается структур, процессов, законов и механизмов естественных, социальных и интеллектуальных изменений; научные знания о нем имеют феноменалистский характер – они не могут выйти за пределы слоя явлений и однозначно идентифицировать их возможную скрытую, в особенности божественную, основу²⁵.

Воспринимаемая как шокирующая предельность леонтьевского противопоставления земного мира принципам трансисторического Царства Божьего, в радикализме своем опасная иногда для морального посыла

---

²³ См.: К. Агтеев, *Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства*, Киев: Тип. «Петр Барский» 1909, с. 126.

²⁴ Соглашаясь в некоторой степени с мнением Семена Франка, что христианство Леонтьева «есть, во всяком случае, чрезвычайно одностороннее...». См.: С. Франк, *Мирозерцание Константина Леонтьева*, [в:] *К. Н. Леонтьев: pro et contra...*, кн. 1, с. 236. Следует помнить о не менее односторонней интерпретации христианства, которой занимались его противники.

²⁵ См.: М. Broda, *Historia a eschatologia. Studia nad myślą Konstantego Leontjewa i „zagadką Rosji”*, Łódź: Wyd. UŁ 2001, с. 66–71.

христианства, сформулированная в сознательном противопоставлении господствовавшему течению русского православия и теолого-философским спекуляциям, выросшим на его почве, концепция Леонтьева таит в себе нечто большее. Она отвергает как попытки замкнуться в земной имманентности, ограничиться сферой бренности, связанные зачастую с простыми демистифицирующе-редукционистскими операциями в отношении традиционных религиозных верований, ведущих в культуре, переполненной эсхатологическими элементами, к проявлениям мистифицированной антропологии и разнообразным версиям квазирелигиозных идеологий, с одной стороны, так и типичные для русской интеллектуально-религиозной традиции попытки объединения обоих порядков, рождающие искушение поиска формул земной эсхатологии, с другой.

В концепции Леонтьева можно обнаружить попытку выработки позиции, выходящей за пределы классического противопоставления, поляризующего русскую мысль, которое, с одной стороны (в своем религиозном или квазирелигиозном течении, вырастающем из глубины православия), тяготеет к объединению, почти отождествлению истории и эсхатологии, а с другой (в религиозном течении), отрицая эсхатологию, оставляет лишь историю. Формуле «история с эсхатологией» и «история без эсхатологии» противопоставляется формула «история и эсхатология», выходящая за пределы предыдущих, делая возможными (благодаря принятию по отношению к ним трансцендентной точки зрения) проблематизацию и понимание их различия, оппозиционности, взаимозависимости и парадоксального подобия.

Признавая необходимость сосуществования *sacrum* и *profanum* в культуре, Леонтьев в то же время подчеркивал различия и напряженность между ними, их взаимную непроверяемость, а также своеобразную идентичность и отдельность категорий и ценностей из обеих сфер; одно дело, например, духовная «свобода детей Божьих», а совсем другое – гарантированные законом гражданские свободы личностей. Игнорирование этих различий, преодолевающее, если придерживаться указанного случая, отдельность различных аспектов феномена свободы²⁶, позволяет их отождествить почти произвольно с множеством других явлений или ценностей, хотя бы с мнимым или отстаиваемым направлением социальной динамики, степенью человеческого господства над природой, ликвидацией стихийности социальных процессов, исключением культурно чуждого влияния, коллективной мощью и т. п.²⁷

---

²⁶ Сам Леонтьев, отмечая эти различия и отличия, возможность недоразумений и мистификаций, а также необходимость осуществления соответствующих концептуальных различий, не делал, однако, выводов в либеральном духе.

²⁷ См.: I. Berlin, *Dwie koncepcje wolności*, Warszawa: Res Publica 1991, с. 130–132.

Разработанная Леонтьевым мыслительная перспектива, сознательно и последовательно отвергающая типично русскую ориентацию на так или иначе понимаемое «положительное всеединство», преодолевающее многомерность и полярность, и даже существенное разнообразие мира, указывает на потребность, возможность и необходимость надлежащих концептуальных различий. Значение этого даже трудно переоценить в России из-за сильно ментально, культурно и идеологически укоренившихся тенденций искать формулы, которые должны служить поиску выхода за пределы известного по опыту мира многомерного структурирования и напряженности, к де-факто недифференцированному, лишь внеконцептуально понимаемому единству. Этот редкий в России, к тому же не вытекающий из окциденталистских позиций акцент на многомерность бытия и связанную с ней необходимость осуществления концептуальных различий, противопоставленный тенденции поспешной тотализации смысла, а также сопровождающих ее стремлений объяснить и решить проблемы, возникающие в различных областях, типичным для мышления, остающегося в категориях мифа сведением их к одной формальной структуре, наглядно показывает нам демифологизирующий аспект мысли Леонтьева.

Леонтьевское толкование нравственного посыла христианства, делающее его религией страха, строгости и дисциплины, а не милосердия и добра, поражает односторонней конечностью и, вероятно, выходит за пределы приемлемого для христианства типа позиции и нравственности. Оно представляет собой, однако, мыслительную антитезу, помогающую наглядно показать и подвергнуть анализу не менее односторонние способы восприятия истин религии, усилившиеся среди русской интеллигенции XIX века и достигшие своей кульминации в религиозном модернизме на рубеже веков. Сформулированная Леонтьевым концепция «трансцендентального эгоизма», вероятно, не вмещающаяся в рамки православной ортодоксии²⁸, сознательно отходила от присутствующих в православии или сопровождающих его тенденций к растворению личности в космизме всего творения, ведущих, уже за пределами его иерархического элемента, в сторону *apokatastasis*, к перспективе всеобщей паруссии, со всеми связанными с этим опасностями, вписанными в природу «русской души». У Леонтьева, конечно, не было типично русской жажды всеобщего спасения, спасения человечества и мира²⁹, ее заменял упор на собственное спасение личности, на возложенную на нее в связи с этим ответственность за конкретные действия, а также отказ – как бы в духе католического «пени-тенциаризма» – от идеи равенства загробного вознаграждения и кары³⁰.

²⁸ См.: К. Аггеев, *Христианство...*, с. 308 и след.

²⁹ Н. Бердяев, *Леонтьев*, Orono, Maine: Academic International 1968, с. 195.

³⁰ Ср.: там же, с. 217.

Нетрудно заметить, что обе стороны спора – «розовое христианство» и позднее «новое религиозное сознание» рубежа веков, с одной стороны, и «византийское христианство» Леонтьева с другой – во взаимном понимании и оценке друг друга не свободны от греха критического преувеличения и односторонности. Первая из них, если воспользоваться здесь очень репрезентативным для русского восприятия и оценки мысли автора «византийского православия» мнением Бердяева, подчеркивает, что для Леонтьева «христианство не есть религия любви и радостной вести, а мрачная религия страха и насилия [...] Даже Достоевский казался „розовым” его черной душе! Так ненавистно было ему все, что пахло „моральной” проповедью любви»³¹. Леонтьев, в свою очередь, видел, напомним, во взглядах критикуемого им течения мысли не только псевдохристианский, но и крайне опасный характер.

Затрагивающий религиозное сознание Леонтьева «дух противоречия» – постоянное присутствие негативной исходной точки – не мог не повлиять на положительную сторону его концепции³². Отстаивая сущностное присутствие страха, послушания и подвига в исконно христианском религиозном опыте и учении Церкви, он маргинализировал значение смыслов, которые в основу христианских истин веры вписывали его оппоненты. Можно судить, что убеждение в том, что обе предлагаемые интерпретации религиозной истины должны были бы скорее – не без напряженности и ограничений – дополнять, а не исключать друг друга, вообще не появилось в сознании участников спора. Несмотря на взаимный обмен мнениями, в нем было немного подлинного диалога, это были скорее расписанные на полемические реплики два слишком уверенных в собственной правоте монолога.

References

- Aggeev, Konstantin. *Khristianstvo i ego otnoshenie k blagoustroeniyu zemnoi zhizni. Opyt kriticheskogo izucheniya i bogoslovskoi otsenki raskrytogo K. N. Leontyevym ponimaniya khristianstva*. Kiev: Tip. "Petr Barsky", 1909.
- Berdyaev, Nikolai K. *Leontyev – filosof reaktsyonnoy romantiki*. In: *K. N. Leontyev: pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Konstantina Leontyeva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya*. Vol. 1, Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1995: 208–234.
- Berdyaev, Nikolai. *Leontyev*. Orono, Maine: Academic International, 1968.

---

³¹ Н. Бердяев, *К. Леонтьев – философ реакционной романтики*, [в:] *К. Н. Леонтьев: pro et contra...*, кн. 1, с. 221–222. «Темную ненависть к миру и людям Леонтьев возвел в религиозный догмат...», – подытоживал критик. Там же, с. 223.

³² См.: В. Бородаевский, *О религиозной правде Константина Леонтьева*, [в:] *К. Н. Леонтьев: pro et contra...*, кн. 1, с. 256.

- Berlin, Isaiah. *Dwie koncepcje wolności*. Warszawa: Res Publica, 1991.
- Bibliya. *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta*. Moskva: Moskovskaya Patriarkhiya, 1988.
- Borodaevskii, Valerian. *O religioznoi pravde Konstantina Leontyeva*. In: *K. N. Leontyev: pro et contra...* Vol. 1: 253–164.
- Broda, Marian. *Historia a eschatologia. Studia nad myślą Konstantego Leontjewa i „zagadką Rosji”*. Łódź: Wyd. UŁ, 2001.
- Dostoevskii, Fedor. *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, Moskva: Goslitizdat, 1958.
- Frank, Semion. *Mirosozertsanie Konstantina Leontyeva*. In: *K. N. Leontyev: pro et contra...* Vol. 1: 235–240.
- Ivask, Yurii. *Konstantin Leontyev (1831–1891). Zhizn i tvorchestvo*, In: *K. N. Leontyev: pro et contra...* Vol. 1: 229–265.
- Korolkow, Aleksandr. *Proroctwa Konstantina Leontjewa*. Toruń: Wyd. UMK, 1994.
- Leontyev, Konstantin. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Filosofiya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)*. Moskva: Respublika, 1996.
- Struve, Petr. *Konstantin Leontyev*. In: *K. N. Leontyev: pro et contra...* Vol. 2: 180–186.
- Zaitsev, Kirill. *Lyubov i strakh*. In: *K. N. Leontyev: pro et contra...* Vol. 2: 197–228.